

УСАДЕБНЫЙ ТОПОС В РОМАНЕ И. А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА» И КОНЦЕПЦИЯ ГЕТЕРОТОПИИ М. ФУКО.

Гун Цзэхуэй

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Поступила в редакцию 12 сентября 2024 г.

Аннотация: в статье представлен системный анализ усадебного топоса в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева», основанный на теории гетеротопии, которая была предложена М. Фуко и получила новое осмысление в русской философии конца XX века. В статье показывается, что мир усадьбы в главной бунинской книге может быть осмыслен в соотношении с шестью характеристиками гетеротопии, выделенными М. Фуко. Такое соотношение позволяет констатировать, что усадебный топос в «Жизни Арсеньева» обретает форму гетеротопии, характеризуется кризисностью, изменчивостью «при изменении общей синхронии культуры», сложным соединением несоединимых пространств, «гетерохронией», «проницаемой непроницаемостью», иллюзорностью, которая проясняет реальность.

Ключевые слова: Бунин, гетеротопия, гетеротопия усадьбы, усадебный топос, образ усадьбы, динамика.

Abstract: the article presents a systematic analysis of the estate topos in the novel by I. A. Bunin's "The Life of Arseniev", based on the theory of heterotopia, which was proposed by M. Foucault and received a new understanding in Russian philosophy of the late 20th century. The article shows that the world of the estate in Bunin's main book can be understood in relation to the six characteristics of heterotopia identified by M. Foucault. This correlation allows us to state that the estate topos in "The Life of Arseniev" takes the form of a heterotopia, characterized by crisis, variability "with changes in the general synchrony of culture," a complex combination of incompatible spaces, "heterochrony," "permeable impenetrability," and illusory that clarifies reality.

Keywords: Bunin, heterotopia, heterotopia of the estate, estate topos, image of the estate, dynamics.

Впервые понятие «гетеротопия» было введено в «Предисловии» к шедевр Фуко «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук», опубликованному в апреле 1966 г. 14 марта 1967 года Фуко выступил с речью на тему «Другие пространства».

В своей работе «Слова и вещи» Фуко указывает на основные характеристики гетеротопии: «Это беспорядок, высвечивающий фрагменты многочисленных возможных порядков в лишенной закона и геометрии области гетероклитного; и надо истолковать это слово, исходя непосредственно из его этимологии, чтобы уловить, что явления здесь «положены», «расположены», «размещены» в настолько различных плоскостях, что невозможно найти для них пространство встречи, определить общее место для тех и других» [17, 30]. Согласно собственной теоретической системе, он делит социальное пространство на три части: реальное пространство, утопию и гетеротопию. Может показаться, что эти три пространства параллельны и разобщены друг с другом, но на самом деле это такое понимание социального пространства, в котором все три неизбежно пересекаются и сосуществуют [9, 186].

Топос усадьбы у Бунина может быть прочитан

в соотношении с концепцией Фуко. Это открывает перед учеными новые перспективы для исследований. В настоящее время усадебная тема привлекает многих среди российских ученых. Можно назвать целый ряд работ Т. М. Жапловой [4; 5], Л. В. Ершовой [3], Т. А. Лебедевой [8], О. А. Поповой [11], С. В. Зеленцовой [6], Лю Шумей [19], О. А. Осадчей [10] и др., в которых предпринимались попытки как очертить целостный образ усадьбы, созданный Буниным в прозе и поэзии [3; 4; 8], так и обозначить эволюцию этого образа [15], обосновать «место» бунинской усадьбы в корпусе произведений русской литературы [2; 11], посвященных этой теме, выявить типологические черты образа. Накоплен большой материал.

Китайские учёные Юй Цзиньцзян и Ма Ханьгун в своей статье «Гетеротопия, тело и трансгрессивная литература — о Topologie d'une cité fantôme» также предоставили новый поворот в исследовании этой темы.

Во-первых, это топологическая структура текста и метод повествования, а также текстовая форма, составленная из таких художественных приемов, как пародия, интертекстуальность и сопоставление.

Во-вторых — репрезентация разнородного материала в содержании произведения, например, сновидческие монологи [18, 67].

В начале романа Бунин акцентирует многомерное, топологическое пространство: «У нас нет чувства своего начала и конца» [1, 7]. Это пространственно-временное измерение связывает человека с вечностью, с Богом. В первой главе первой книги повествователь продолжает описывать свои переживания через призму пространства: мы видим «освещенную предосенним солнцем комнату»; вспоминаем младенчество героя: «Младенчество свое я вспоминаю с печалью. Каждое младенчество печально»; «Пустынные поля, одинокая усадьба среди них» [1, 9]. Эти эмоции, как нам кажется, не соответствуют психологическому состоянию младенца. Однако, если вспомнить рассуждения К. Юнга об архетипе младенца, можно сделать вывод, что Бунин дает оценку младенчества в контексте общекультурной традиции. Главный герой Алексей верит, что у него есть глубокая связь с Богом и что он принадлежит «двум домам» — небесному и земному [13, 74]. При этом Алексей во многом опирается на *воспоминания о воспоминаниях*, нарушая ограничения пространства и времени: «Ах, какая томящая красота! Сесть бы на это облако и плыть, плыть на нем в этой жуткой высоте, в поднебесном просторе, в близости с Богом и белокрылыми ангелами, обитающими где-то там, в этом горнем мире!» [1, 10].

Все эти чувства объединяет стремление души ребенка к Богу, восприятие Его как родного отца — Отца небесного. Бунин создает удивительно прекрасные образы, передающие это единство души человека с Богом [7, 279].

Вернемся к «сновидческому монологу». В «Жизни Арсеньева» представлены два репрезентативных сна. Первый — когда Алексей был болен и думал, что болезнь «есть на самом деле как бы странствие в некие потусторонние пределы» [1, 42]. Он испытал изменения в пяти чувствах: зрении, обонянии, вкусе, слухе и осязании. Во время болезни его как будто не было в этом мире, он словно вошел в другой мир: «целые дни и ночи как бы несуществования, иногда только прерываемого снами, виденьями, чаще всего безобразными, нелепо-сложными, как бы сосредоточившими в себе всю телесную грубость мира, которая, в распадае, в яростном борении с самой собой, гибнет среди чего-то горячего, пламенного (несомненно, послужившего для человеческих представлений об адских муках)» [1, 42].

Второй сон — конец романа: «Я видел ее смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда» [1, 288].

С точки зрения даосской философии сны рассматриваются как иллюзорное явление, проявление человеческого сознания и души, отражение глубочайших эмоций и мыслей человека. Даосская мысль считает, что во сне люди могут вступить в контакт с существованием и силой более высокого уровня

за пределами материального мира. Эта сила может возникать из внутренней духовной деятельности людей и их собственной природы и является отражением психологического состояния человека. Оба сна Алексея привели его в топологический мир, превосходящий природу.

Остановимся более подробно на основных положениях Фуко, которые имеют прямое отношение к нашей работе. Согласно французскому ученому, гетеротопии обладают следующими шестью характеристиками:

Во-первых, «в мире нет ни одной культуры, которая не создавала бы гетеротопий. Это константа для всего человечества» [16, 197]. Другими словами, культуры мира встречаются и взаимодействуют друг с другом, что само по себе является гетеротопией.

Фуко полагает, что существует два типа гетеротопий: кризисные гетеротопии и гетеротопии девиации.

Кризисные гетеротопии — это те, в которых индивид находится в состоянии кризиса. Кризис означает, что индивид переживает изменение идентичности и проходит через такие важные жизненные события, как рождение, совершеннолетие, брак и смерть.

В творчестве Бунина любовь и смерть являются главными темами его произведений, которые проходят через всю его писательскую карьеру. Его произведения, написанные во время эмиграции, полны ощущения предназначения и трагизма, что также прекрасно отражено в «Жизни Арсеньева».

На протяжении всей жизни с самого раннего детства герой сталкивается со смертью: смерть пастуха Сеньки и его любимой лошади, смерть младшей сестры Нади, смерть бабушки, смерть Писарева от апоплексического удара, смерть его возлюбленной Лики.

В десятой главе первой книги Алексей рассказывает о своем понимании смерти, которое он знал и раньше, но смерть Сеньки привела его к реальному контакту с ней. В Страстную пятницу он обнаруживает, что «умирал даже Сам Спаситель» [1, 27]. В то же время он обретает веру в Бога и связь с Богом.

Детство Арсеньева в усадьбе было счастливым, но он рано пережил опыт смерти, что, похоже, посеяло семена печали на всю его оставшуюся жизнь.

Во-вторых, «каждая конкретная гетеротопия может начать функционировать по-иному при изменении общей синхронии культуры, в которой она находится» [16, 198]. Очевидно, что форма существования усадьбы в разное время характеризовалась по-разному.

С изменением жизненного этапа главного героя меняется и его отношение к усадьбе. Мы можем выделить следующие этапы таких изменений: 1) первое знакомство с миром, любовь к усадьбе; 2) невозможность осуществить свою мечту, уход из дома; 3) возвращение в усадьбу, исцеление сердца.

Главный герой Алексей — чувствительный подросток, который любит наблюдать, думать, он глубоко

чувствует реальность; он любит погружаться в свой собственный мир, он эгоцентричен и его можно назвать стойким субъективным идеалистом. Арсеньев противоречив, он то радуется счастью, то боится его потерять: «я впервые испытал сладость осуществляющейся мечты, а вместе с тем и страх, что она почему-нибудь не осуществится» [1, 11]. Даже наблюдения за жуками в усадьбе навевали на него тоску, оставляли «грусть разлуки» [1, 10]. В первой книге обстоятельно описывается, как расширяется усадебный мир и как он познается героем — во всех предметных и вещественных подробностях, в сопряжении этого мира с историей страны, с русской литературой.

Арсеньев печатает свои первые стихи, стремится к большому. Усадьба в этот период представляется главному герою клеткой, и было бы лучше, если бы он как можно скорее выбрался из нее!

После скитаний, пережив разрыв с Ликой, Алексей возвращается в усадьбу, которая оказалась еще более ветхой, чем он думал: «...все в Батурине оказалось еще хуже, чем я представлял себе в дороге: убогие избы деревни, дикарские лохматые собаки и дикарские облепелые водовозки возле порогов, вросших в железную грязь, клочки этой грязи по проезду к усадьбе, пустой двор перед угрюмым домом с печальными окнами» [1, 285]. И отец, который всегда был величественным, тоже сильно постарел за это время. Но именно встреча с отцом в родной усадьбе, разговор с ним, участие и поддержка с его стороны врачуют душу героя. Воспоминание о возвращении в усадьбу окрашено теплым чувством обретенного дома.

В конце концов, Алексею так и не удалось увидеть Ликю. Она умерла от воспаления легких. В последний раз они встретились во сне...

В-третьих, гетеротопия может помещать в одном реальном месте несколько пространств, которые сами по себе несовместимы [16, 198]. Например, на прямоугольной сцене театр соединяет ряд не связанных между собой мест. Согласно Фуко, сад — это вселенная всей коллекции растений, одновременно реальное место и гетеротопическое пространство, символизируемое различными видами растений. Эта характеристика означает, что гетеротопии могут нарушать общепринятую логику и правила и интегрировать элементы разной природы, разных функций и даже взаимно противоположные элементы, образуя уникальный культурный феномен.

В описаниях Алексея переплетаются реальный и духовный мир, представляя читателю иной мир, состоящий из двух измерений. В первой книге в главе 14 описывается чтение Алексеем «Дон Кихота», где он очень сильно резонирует с миром книги и не раз говорит о том, что сам принадлежал к этому миру. [1, 35]. Картинки в книге такие красивые, что Бунин, вспоминая детское чтение в чужой стране, не может не скучать по родной земле: «Какие сладкие и яркие виденья и какую настоящую тоску по родине пере-

жил я над этими картинками!» [1, 36].

Когда он видит красивые вещи, он не может не думать о своей родине: «А что же подобное могло быть в Каменке?» [1, 36]. «Я видел, чем жил когда-то, в своих прежних, незапамятных существованиях, что впоследствии, в Египте, в Нубии, в тропиках, мне оставалось только говорить себе: да, да, все это именно так, как я впервые «вспомнил» тридцать лет тому назад!» [1, 37]. В главе 15, главным образом, представлено творчество русского поэта Пушкина. Произведения Пушкина тронули героя до глубины души: «они на весь век вошли во все мое существо, стали одной из высших радостей, пережитых мной на земле» [1, 37]. Язык в произведениях казался полным волшебства, что его поражало. Книжки, которые он читал в детстве, вызывали в нем самые благородные чувства, призыв Бога, веру в Бога.

В-четвертых, «гетеротопии чаще всего связаны с “раскрытием” времени, то есть они открыты в сторону того, что можно было бы назвать гетерохронией; гетеротопия начинает функционировать в полной мере, когда люди оказываются в своего рода абсолютном разрыве с их традиционным временем» [16, 200]. Фуко считает, что кладбище — это типичное сочетание гетеротопии и гетерохронии, когда мы на кладбище вспоминаем умерших и думаем о своем будущем, Фуко относит к гетерохронии [20, 11]. Кроме того, он также разделил комбинацию гетеротопии и гетерохронии на две категории: одна — это гетеротопия бесконечного накопления времени, такая как музеи и библиотеки; другая — гетеротопия, связанная со временем, такая как рынки, фестивали и курорты.

Повествование этого произведения в основном построено по двум основным линиям: движение во времени и движение в пространстве. Эти две основные линии проходят через весь роман.

В сюжете «Жизни Арсеньева» временной отрезок романа охватывает детство и юность Алексея, и все важные события происходят в усадьбе: первая смерть близкого человека, первый раз на охоте с отцом, новые печальные впечатления, связанные с арестом брата. После того, как он расстался с Ликой, Арсеньев вернулся в Батурино, чтобы пережить разрыв. Образ усадьбы становится в книге ключевым, органично объединяя все важные сюжеты.

В-пятых, гетеротопии всегда предполагают некую систему открытости и замкнутости, которая одновременно и изолирует их, и делает их проницаемыми. Как правило, в гетеротопическое местоположение проникнуть нельзя [16, 202]. Это означает, что гетеротопический мир — это система, которая одновременно открыта и закрыта, и люди не могут свободно в нее войти.

Воспоминания юного героя Алексея — ключ к гетеротопическому миру усадьбы. «Память также является разновидностью творчества. Ее характеристикой

является подобие снежного кома, накапливающего прошлые события и организующего что-то новое как реальное творение из прошлых событий в каждый непрерывный момент» [21, 229].

Например, детская жизнь Алексея в усадьбе его бабушки в Батурино становилась все более красочной, объемной, разнообразной. Дети вставали «с радостью от солнечного утра» [1, 22]; «На скотном дворе, по-утреннему, ново, скрипят в это время ворота, оттуда с ревом, визгом, хлопанием кнутов выгоняют на сочный утренний корм коров, свиней, серокудрявую, плотную, волнующуюся отару овец, гонят поить на полевой пруд лошадей, и от топота их сильного, дружного табуна гудит земля» [1, 22]; «После чая отец иногда идет со мной на беговых дрожках в поле, где, смотря по времени, или пахут, то есть идут и идут, качаясь, оступаясь в мягкой борозде, принаравливая к натуживающейся лошади и себя, и тяжело скрипящую соху, на подвои которой лезут серые пласты земли, разутые, без шапок мужики, или выпалывают то просо, то картошки несметные девки, радующие своей пестротой, бойкостью, смехом, песнями, или на зное косят, со свистом, размахистом, приседая и раскорячиваясь, валят густую стену жаркой желтой ржи косцы с почерневшими от пота спинами, с растянутыми воротами, с ремешками вокруг головы, а следом за ними работают граблями и, сгибаясь, наклоняясь, борются с колкими головастыми снопами, пахнущими разогретой на солнце золотой ржаной соломой, мнут их коленом и туго вяжут подоткнутые бабы...» [1, 22]. Усадьба в воспоминаниях вызывает ощущение счастья и тепла.

Что контрастировало со счастьем, так это то, что его брат со смущением сообщил ему, что их отец продал усадьбу Батурино: «значит, совсем конец всей нашей прежней жизни! — и горькой жалостью к отцу, к матери, к Оле: мы тут веселы, беспечны, у нас весна, люди, город, а они там в глуши, в одиночестве, в думах только о нас, а вот теперь и о своей близкой бесприютности...» [1, 178]. Благодаря воспоминаниям Алексея мы можем без каких-либо преград понять усадебную жизнь России.

В-шестых, «роль гетеротопии состоит в том, чтобы создать иллюзорное пространство, которое избобличает все реальное пространство, все местоположения, по которым разгорается человеческая жизнь, как еще более иллюзорные» [16, 202]. Другими словами, можно создать иллюзорное пространство, которое открывает реальное пространство, с той же детализацией, что и в реальном пространстве: «...корабль — это в конечном счете плавающий кусок пространства, место без места, которое живет само собой, будучи замкнутым на себе, и в то же время предоставленным бесконечности моря, и которое плывет из порта в порт, от посадки к посадке» [16, 204].

Усадьба существовала в жизни героя, но сейчас она живет только в памяти, поэтому все картины

все-таки субъективно окрашены. Характер у главного героя очень чувствительный. Когда он отдыхает в усадьбе, его часто посещают фантастические мысли, в которые он погружается: «Но все же мы были тут сами по себе, а усадьба сама по себе, и я представлял ее себе, ее мирно текущую жизнь, как посторонний» [1, 34]. И вместе с тем именно воспоминания открывают подлинный, настоящий мир русской усадьбы.

Рассмотрев усадебный топос в романе «Жизнь Арсеньева» в соотнесении с концепцией М. Фуко, можно утверждать, что Бунин выстраивает усадебный мир, во многом сходный с теми характеристиками, которые формулирует французский философ, описывая гетеротопию. Действительно, усадебный топос в романе обретает форму гетеротопии, обладая теми качествами-составляющими, которые определены в сочинении Фуко. Это свидетельствует о чуткости Бунина-художника к идеям и «веяниям» современной ему эпохи, о его прозрениях, философских интуициях, что особенно ярко проявилось в его главной книге «Жизнь Арсеньева» [12; 14, 9–22; 99–123].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Собр. соч. в 9 т. / И. А. Буни — М.: Худож. литература, 1966. — Т. 6. — 340 с.
2. Глазкова М. В. «Усадебный текст» в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. А. Фет: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Глазкова. М., 2008. — 17 с.
3. Ершова Л. В. Усадебная проза И. А. Бунина / Л. В. Ершова // Филологические науки. — 2001. — № 4. — С. 13–22.
4. Жаплова Т. М. Образ русской усадьбы в поэзии XIX — начала XX века / Т. М. Жаплова. — Оренбург, 2006. — 427 с.
5. Жаплова Т. М. Усадебное пространство и время в эпическом и лирическом контексте творчества И. А. Бунина Т. М. Жаплова // Вестн. Оренбургского государственного пед. ун-та. — 2012. — № 4 (4). — С. 43–56.
6. Зеленцова С. В. Старинная усадьба как особый хронотоп в прозе И. А. Бунина 1920-х гг. / С. В. Зеленцова // Ученые записки Орловск. гос. ун-та. — 2020. — № 3 (88). — С. 99–103.
7. Ковалева Т. Н. Мотивы исканий смысла бытия в сюжете романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» / Т. Н. Ковалева // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — № 1. — С. 276–293.
8. Лебедева Т. А. Мир русской дворянской усадьбы в творчестве И. А. Бунина 1920–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Череповецк. гос. ун-т, 2002. — 18 с.
9. На Хан. 论福柯“另类空间”演讲中的空间交叉与平行. Дискуссия о пересечении и параллелизме пространства в речи Фуко «Другие пространства». // Молодые писатели, — 2016 (30). — С. 186.
10. Осадчая О. А. Языковые средства репрезентации концепта «Дворянская усадьба» в русском языке: на материале произведений И. А. Бунина: автореф. дис. ж. канд. филол. наук / О. А. Осадчая. — 2014. — 21 с.
11. Попова О. А. Родовая память в судьбе дворян-

ской усадьбы в русской прозе конца XIX — начала XX веков / О. А. Попова // Вестн. Перм. ун-та. — 2009. — № 2. — С. 112–118.

12. Пращерук Н. В. Гетеротопия усадьбы в прозе И. А. Бунина / Н. В. Пращерук // Филологический класс. — 2023. — Т. 28. — № 3. — С. 92–102.

13. Пращерук Н. В. Духовное измерение жизни человека: репутация Бунина-художника и реальность текста / Н. В. Пращерук // Филологический класс. — 2019. — № 2 (56). — С. 73–77.

14. Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина: философия, поэтика, диалоги / Н. В. Пращерук. — СПб.: Алетейя; Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2022. — 432 с.

15. Пращерук Н. В. Усадебный мир в прозе И. А. Бунина: от «Суходола» к «Странствиям» и «Жизни Арсеньева» / Н. В. Пращерук // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — С. 187–197.

16. Фуко Мишель. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Мишель Фуко / Пер. с франц. Б. М. Скуратова под общей ред. В. П. Большакова. — М.: Праксис, 2006. — Ч. 3. — 320 с.

17. Фуко Мишель. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Мишель Фуко / Пер. с фр. В. П. Визгина,

Н. С. Автономовой; Вступительная статья Н. С. Автономовой. — СПб.: А-сэд, 1994.

18. Цзиньцзян Юй. Хангуан Ма. 异托邦、身体与僭越的文学——论《一座幽灵城市的拓扑学结构》. Гетеротопия, тело и трансгрессивная литература — О «Topologie d'une cité fantôme» / Юй Цзиньцзян. Ма Хангуан // Журнал Цзян-суского океанического университета (издание для гуманитарных и социальных наук). — 2022, 20(04): С. 66–74.

19. Шумей Лю. Поэтика повседневности в воспоминаниях об усадебной жизни / Лю Шумей // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и Восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации: материалы участников VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 4 февраля 2016 года. — Владивосток: ДВФУ, 2016. — С. 78–82.

20. ШэнПин Ян. 异托邦与空间、秩序——福柯异托邦思想与启示. Гетеротопия, пространство и порядок — Мысли и прозрения Фуко о гетеротопии // Журнал Хуачжунского университета науки и технологий (издание по социальным наукам). — 2023, 37(04): — С. 10–18.

21. Яньбин Цзэн. 西方现代主义文学概论. Введение в западную модернистскую литературу / Цзэн Яньбин. — Издательство Пекинского университета, 2006. — 348 с.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Гун Цзэхуэй, аспирант

E-mail: zehuigong@gmail.com

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

Gong Zehui, Postgraduate Student

E-mail: zehuigong@gmail.com